

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

КАВКАЗСКИЙ СИНДРОМ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.
К26 Кавказский синдром / О. Карпович. — М.: RUGRAM,
2024. — 326 с.

ISBN 978-5-521-91122-6

«Са дог ду хьо», — говорит своей возлюбленной красавец Мовлади, что по-чеченски означает: «Я люблю тебя». И, вроде бы, такие простые слова, но за ними кроется кровавая бездна, страх, война, заминированное здание театра, ни в чем не повинные заложники: дети, старики, обычные зрители спектакля.

Он — чеченец, бывший военный, которого междоусобная война перекинула на сторону ваххабитов, а она — единственная дочь российского генерала ФСБ. Между ними ничего общего быть не может, кроме этих простых слов «Я люблю тебя».

«Кавказский синдром» — один из самых откровенных романов о Чеченской войне. В нем — необычный авторский взгляд, взгляд изнутри. Но это роман не только о внешней войне, но и о внутренней: мы видим изнурительную борьбу героя с самим собой. Это роман о правде, которая всегда побеждает. Какая бы она ни была. Пусть даже самая горькая.

BIC FA
BISACFIC000000

© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
ISBN 978-5-521-91122-6 © Т8 Издательские технологии, 2024

*И я видел, что Агнец снял первую
из семи печатей, и я услышал одно
из четырёх животных, говорящее
как бы громовым голосом: иди
и смотри. Я взлянул, и вот,
конь белый, и на нем всадник,
имеющий лук, и дан был ему венец;
и вышел он как победоносный
и чтобы победить*

1

*Москва. Август 2001 года.
Здание театра*

По старинному зданию Московского Драматического театра залиvisto прокатился звонок. Он зазвенел над зрительным залом, задребезжал над толкавшейся в буфете толпой, донесся до куривших в антракте у входа, пробежал по белым мраморным лестницам.

Посетители начали стекаться в зал. Молоденькая учительница в очках, с выбивавшимися из пучка на затылке легкими пушистыми прядями, порхала вокруг своих восьмиклассников. Голубые рукава ее нарядной блузки трепыхались, как крылья стрекозы. Тяжело протопал краснолицый толстяк и, кряхтя, удобно устроился в заднем ряду. Он привел на спектакль жену-театралку, сам же намеревался честно проспать все второе действие, как только что продремал первое. Протиснулась между рядов кресел молодая пара, чинно прошествовали на свои места отглаженные, накрахмаленные по случаю культурного мероприятия старик и старушка. В центре зала расселась по своим

местам группа бывших советских граждан, а ныне — обладателей светло-голубых израильских паспортов, приехавших с «исторической родины на доисторическую» как туристы — полечиться от ностальгии.

В зале стало темно, грянул оркестр, занавес медленно разошелся в стороны, и на сцене осветилась разноцветными огнями ветхая повозка, которую тянули две одетые в пестрые лоскутные платья женщины и священник в сутане.

Началось второе действие модной в этом сезоне брехтовской «Мамаши Кураж».

— Лаврухина, Лаврухина, — зашипел подросток в зеленой толстовке, толкая одноклассницу в плечо. — Дай «Сникерс» откусить.

— Да пошел ты, — огрызнулась девчонка.

Оркестр заиграл развеселую удалую мелодию, и Мамаша Кураж пустилась в пляс. Выбеленное клоунское лицо, глаза, подведенные розовым и лиловым, цветной костюм с нашитыми поверх гигантскими грудями. Лихо заливалась скрипка, бухал барабан.

— Лаврухина, гля, как у нее сиськи трясутся! — не унимался школьник.

Учительница принялась возмущенно отчитывать своих подопечных:

— Тихо! Логинов, угомонись! Как вы себя ведете? Вы думаете, это комедия, фарс? Это серьезная пьеса, она рассказывает об ужасах войны, вы должны почувствовать атмосферу.

— Да я уж прочувствовал. Ща обделаюсь от страха, — фыркнул Логинов.

Восьмиклассники радостно заржали. Крахмальная старуха поджала губы. Толстяк в заднем ряду захрапел. Оркестр заливался в ухарской балаганной пляске.

Актер, игравший мамашу Кураж, запел козлиным тенорком:

Кому в войне не хватит воли,
Тому победы не видать.
Коль торговать, не все равно ли,
Свинцом иль сыром торговать?

Вокруг Кураж закружились в бешеном адском хороводе солдаты, разодетые в буффонные костюмы, мелькали камуфляжные штаны, расшитые красными и синими помпонами, тельняшки, старомодные сюртуки, современные бескозырки и пилотки, блестящие пожарные каски. Все завертелось в бесконечной карусели, и зрители, невольно заразившись сумасшедшим губительным азартом, заревели, затопали в такт. И когда священник, неловко притоптывая, бухнулся на шпагат, хохот пронесся по сиденьям и веселье в зале достигло апогея.

Внезапно боковые двери, и дверь центрального прохода одновременно с шумом распахнулись; и зал прорезали лучи света от мощных фонарей. Поначалу зрители недовольно зашикали. Но человек, вошедший через боковой вход, нисколько не смущаясь, решительно пошел к сцене и принялся подниматься по ступеням. Голоса стихли, люди решили, что его появление — это часть спектакля, интересная находка режиссера.

Мужчина, поднявшийся сейчас на сцену, был одет в мешковатый, странно смотрящийся среди яркого тряпья персонажей пьесы серый комбинезон с крупной надписью МОСГАЗ. На ногах у него были тяжелые прыжковые ботинки, а лицо закрывала черная

лыжная маска с прорезями для глаз и рта. На правом плече небрежно висел небольшой автомат, и ушлый Логинов немедленно подумал, что здесь явная неувязка: ствол был козырный, Хекклер-Кох. Остальные зрители невольно замерли, ожидая нового поворота пьесы.

Мамаша Кураж неожиданно оборвала пение, сбилась, замолчала. Глухонемая Катрин, секунду назад выкидывавшая коленца бешеного танца, остановилась. Замерли солдаты. Только музыка продолжала шуметь, завывать и веселиться.

В зале нерешительно замигал, разгораясь, свет, и стало видно, что на лицо человека, поднявшегося на сцену, надвинута черная лыжная шапочка с прорезями для глаз и рта. По залу пронесся ропот, детский голос звонко выкрикнул:

— Мам, а это кто?

— Пошли отсюда! — рявкнул неизвестный на актеров. Голос звучал хрипло, слышался сильный кавказский акцент. — Валите отсюда, быстро!

Человек прибавил несколько ругательств на незнакомом языке. Но его слова перекрыл оркестр, и многие в зале все еще полагали, что спектакль идет своим чередом. Ошеломленные актеры медлили в нерешительности.

Тогда мужчина прикрикнул:

— Валите в зал, я сказал! — И пустил очередь из автомата в потолок и добавил (вероятно, почеченски): — Ыаг!ийта зал чу гласки херсий! Дала ца-лаахь!

Оркестр нестройно взревел и замолчал, лишь хрипло завывала одинокая скрипка, но через несколько секунд звук оборвался. Актер, игравший Мамашу Ку-

раж, неловко пятясь, запутался в карнавальных юбках и кубарем полетел по ступенькам вниз. Восьмиклассник Логинов захихикал. Следом за Кураж, озираясь на автоматчика, толкаясь и давя друг друга, рванули вниз по лестнице и другие актеры.

Крахмальная старушка поднялась со своего места, захлопала сухонькими ладошками и звонко выкрикнула:

— Браво!

Наверное, решила показать, что не является замшелой консерваторшей и ценит новаторство современного искусства. Сжав в руках тощий букет гвоздик, старушка засеменила к сцене.

— Пошла вон, ведьма. кхан йелла хьакха! — прорычал автоматчик.

Старушка продолжала двигаться к нему, и человек на сцене снова поднял автомат и всадил в древнюю театралку короткую очередь. Три пули вошли в украшенную пронафталиненным кружевом плоскую грудь. Коротко всхлипнув и нелепо всплеснув руками, она боком стекла на дерматиновые кресла первого ряда. Сидевшие там зашлись криком, вжались в кресла, втянули головы в плечи — поняли, что с ними не шутят.

— Зина! Зина! — посиневшими губами запричитал старик с аккуратной седой бородкой и, вскочив, кинулся к своей упавшей жене.

И тут окончательно стало ясно, что происходящее в этом зале просто не может укладываться в рамки спектакля. Зрители завизжали, закричали; пришли в движение. Кто-то бросился к дверям, оказавшимся запертыми. Кто-то в страхе повалился на пол между креслами.

— Сидеть! По местам! — громко рявкнул неизвестный в маске. — Не двигаться, свиньи! — И пустил еще несколько очередей поверх голов.

— Мама, мне страшно, — заревел детский голос. — Пойдем отсюда, я в туалет хочу...

Вот теперь все двери, ведущие в фойе, распахнулись одновременно. В дверных проемах встали мрачные фигуры с автоматами, в лыжных черных вязаных шапочках и мешковатых комбинезонах. А мимо них уверенно проходили в зал женщины в хиджабах, на каждой из которых был надет широкий брезентовый пояс с раздутыми длинными карманами. Женщины совершенно одинаковым жестом держали руки на маленьких пультах, от которых отходили провода, скрывающиеся в поясах. За ними в зал вошел еще один человек в таком же комбинезоне и молча поднялся на сцену. Женщины, словно страшные черные тени, явившиеся как будто из ночного кошмара, двигаясь плавно, как в замедленном кино, заняли свободные кресла. При этом все они по-прежнему не выпускали из рук крохотных пультиков с отходящими от них проводками.

Зрители, оказавшиеся поблизости, стремились отсесть подальше, отгородиться от этих зловещих черных фигур. Но женщины их останавливали:

— На место! Хочешь умереть раньше всех?

Из-за кулис показалось еще несколько человек с автоматами и в таких же мешковатых комбинезонах и лыжных шапочках. По-видимому, они поднялись по внутренней винтовой лестнице из помещения буфета в полуподвальном помещении. Вот эти люди выглядели несколько иначе: они и двигались как-то более ловко, автоматы в их руках определенно смотрелись